

НА БЕРЕГАХ ВОЛЫИ

Редкие мансийские деревни, спрятавшиеся на высоких берегах Волыи, давно опустели. Песни о судьбах, разносившиеся по водной глади и в хвойной глуши, врезались в каменные скалы. Отзвучали. Зарастают тракторные борозды, оставленные геологами. Пройдет еще полвека – и затеряется в уральской тайге их поселок на Толье.

Теперь здесь главенствует Он. Он и смотритель, и хранитель. Он – хозяин. Это Он строит хилые избушки на низких болотистых берегах, пробираясь все дальше и глубже от устья Волыи к ее притокам. Это Он пренебрегает рассказами о сакральности здешних рек. Он уверен: его намеренно запугивают, чтобы Он не смог провести здесь свои выходные. Его законные выходные!

Серьезный мужик, газовик, трудился пять дней подряд, чтобы в пятницу вечером на борту лодки обнять дустволку, нахмурить брови, разглядывая берега, и бросать пустые железные банки в воду Северной Сосьвы. От поселка до устья Волыи три часа езды по Сосьве, дорога его не утомляет. Время за полночь, светло, как днем, свежо.

А вот и красавица – Волья. Проходит ещё два часа, и Он наконец замечает среди темного леса огромные светлые бревна избы, причаливает к знакомому берегу, привязывает лодку, берёт рюкзак, спальный мешок, пакет с железными банками и неспешно бредет к своей избе. Его не беспокоит наклонившийся угол избы и разбросанные повсюду бутылки и окурки, его взгляд не задерживают кучи прошлогоднего мусора, а внутри ничего не сжимается при виде обугленных деревьев после пожара, случившегося здесь три года назад по его вине.

Утро следующего дня выдалось ясным и маловетренным. Опустошив к полудню пару железных банок, Он оставил в избушке вещи и отправился вверх по реке. Через пару десятков километров заглушил мотор и причалил к галечной косе покидать спиннинг. Сегодня, как и всегда, ему везло, и спустя час два средних таймешка лежали на дне его лодки. Отложив более крупного, принялся разделывать второго прямо на берегу. Этого момента Он ждал всю неделю.

Без особых усилий Он вонзил нож в скользкую кожу тайменя и неторопливо повел руку от головы к хвосту. На языке уже ощущался соленый вкус плотного, нежного, жирного мяса. Дойдя до грязно-красных плавников, его рука остановилась, а взгляд невольно устремился вправо. Он так увлёкся рыбой, что не сразу заметил, что был на берегу не один.

Чуть поодаль, в воде среди кустов тальника стоял, спасаясь от оводов, Лось. Лесной великан не слышал его, ведь Он стоял с подветренной стороны. Медленно, едва дыша, Он подобрался к лодке за ружьем. Его ноги оказались по колена в холодной воде, а кроссовки промокли.

Прозвучал выстрел. Лось покачнулся и, ломая ветви, помчался в лес. Он не хотел его отпускать и бросился по лосиным следам. Он сильно ранил лося и был уверен, что догонит животное, как только закончатся заросли тальника. Но мокрые кроссовки не давали ему бежать во весь опор, а шнурки цеплялись за ветки. Он остановился на пару секунд, чтобы завязать их. Чего лукавить, Он уже устал. Он остановился отдохнуть и покурить.

«Тропа видна хорошо, никуда животное не денется», – думал Он, спешно стряхивая пепел.

Тальник закончился внезапно. Начался небольшой каменистый подъем, окончательно сбивший его дыхание. Затем следы вывели его на опушку, подняли по склону хвойного бугра и запетляли в сосновом бору. Лося нигде не было. Он выругался и пошёл к лодке. Петлять по сосновому бору лениво. Он спустился по склону и, уверенный, что выйдет к знакомой опушке, побрел, прокручивая в голове случившееся и ругая себя.

На опушке лосиных следов не оказалось. Не оказалось их и в нескольких десятках метров от нее. Не поддаваясь панике, Он неспешно покурил и пошёл вниз по склону, к Волье. Река снова пряталась за частыми ветками тальника, и потребовалось немало усилий, чтобы его преодолеть. Оставалось решить в каком направлении идти. Прикинув свой путь по буграм, решил отправиться вверх по течению. Вот только течения не было. Вода стояла. Он вышел на одну из десятков стариц Вольи.

Поразмыслив о ее поворотах в этом районе, вздумал не доходить до края старицы, а пойти напрямую, к реке. Он преодолел прибрежную полосу тальника, поднялся на берег бывшей реки, прошёл метров триста по хвойному лесу, прежде чем впереди показалась вода. Но течения вновь не было – очередная старица. Происходящее обессилило его. Он сел на берегу и стал мысленно восстанавливать в памяти последние три часа. Хотелось запрокинуть голову, закрыть глаза и вновь оказаться на борту своей казанки. Сигарет оставалось немного, в кармане энцефалитки шумели патроны и зажигалка, ружьё успело натереть плечо, мокрые кроссовки натирали ноги, аэрозоль от кровососущих осталась в лодке. К комарам Он уже привык, но оводы и мошки доводили его. Давало знать о себе и чувство голода.

Перед ним, подобно перевёрнутой подкове, разлеглась старица. Она была такой же ширины, что и река, берега точь-в-точь вольинские. Где-то стоит его лодка с таймёшками, где-то бродит раненый лось, где-то рыбачат мужики... А Он здесь, заблудился в проклятых старицах. Конечно, Он старался не падать духом, ведь истории, как кто-то заблудился в лесу, не про него. Но в голове невольно нарастала тревога и сжимала всё его тело изнутри. Без часов терялось ощущение времени.

Вечерело.

Он добрался до левого края старицы и пошёл по небольшому болоту – прежнему руслу Вольи. То заканчивалось буреломом черёмухи и смородины с зелёными ягодами. Но вскоре появился обнадеживающий просвет. Через несколько мгновений Он уже спускался к реке и видел ее быстрое течение. Он ликовал. Он узнал это место. Он уже сто раз ездил на Волью и знал ее вдоль и

поперёк! Лодка стояла в нескольких поворотах вниз по течению. Он заторопился к ней.

Он знал, как петляет река в этих местах, и на очередном повороте решил немного срезать. Волья огибала лес дугой, в центре которой был небольшой хвойный бугор. Он добрел до его середины и остановился передохнуть. Ели и пихты не пропускали свет солнца, стремящегося к закату. В лесу темно и спокойно, даже тихо, если бы не комары. Огляделся: прямо, слева и сзади – река. Справа лес полз вверх и редел, за ним виднелось что-то тёмное, рукотворное.

Он сразу понял, что это изба кого-то из местных, и не мог позволить себе пройти мимо. Приземистая, с виду маленькая, сложена то ли из ели, то ли из лиственницы, не выше двух метров. Крыша, из досок и рубероида, немного выпирала над стеной с входной дверью, закрытой на согнутый гвоздь. Окно маленькое, как лист бумаги, с двумя тонкими стёклами, занавешено снаружи дорнитом. На крыше чердак, тоже не запёртый. За дверью чердака лежали шкуры то ли оленя, то ли лося, свёрнутые в рулоны и перевязанные бечёвкой. Он сдернул с окна кусок дорнита и пошел в избу.

Дверь поддалась не сразу. Он потянул ее изо всех сил, и она протяжно закрипела. По бокам избы раскинулись короткие дощатые нары. Между ними, под окном, небольшой стол из дерева, на краю которого – керосиновая лампа. В изголовье левой нары к стене прикреплены две короткие палки, обмотанные пестрой тканью и обвязанные тонкой веревкой. Он развязал их, и ткань легко выкатилась вниз. Палатка. Подобные Он видел у местных.

Хотя окно было маленьким, его расположение оказалось удачным: вечернее солнце тёплым желтым светом падало в избу и хорошо освещало ее. Он присел на доски слева и ещё раз всё оглядел.

В левом ближнем углу стену украшали две самодельные полки. На них лежали три коробка спичек, клубок чёрных ниток с воткнутой в него иглой, стеклянная банка с сухими листьями смородины, пара алюминиевых тарелок, две кружки, две ложки, невысокая стопка старых газет и журналов. Рядом с полкой в бревенчатую щель воткнут нож с длинным узким лезвием. В правом углу расположилась железная печь и чёрный котелок, такой же маленький, как и все в этой избе. Возле печи – дрова, топорик, береста, чёрный таганок.

Внезапно Он почувствовал себя неудобно. Вышел наружу и внимательно огляделся. В трёх метрах от избы располагалось обложенное камнями кострище. Чуть поодаль – яма. В ней, вперемешку со старой листвой и травой, лежали ржавые металлические банки от тушенки. Рядом – ни стола, ни сидений, ни мусора. Изба находилась на самом высоком месте гривы, но сквозь густой ельник с берега ее никто и никогда бы не приметил.

Всё располагалось так складно. Казалось, у каждого предмета своё место. У Него появилось ощущение, что хозяин ненадолго отлучился, а когда вернется, будет удивлен незваному гостю. В этот момент Он впервые почувствовал себя лишним в лесу.

Не забыв захватить одну из шкур на чердаке, Он пошёл вниз по гриве, держась правее. Обернувшись, замер от увиденного: в окне избы горел тусклый свет керосиновой лампы.

Нет. Это свет вечернего солнца отражался от оконных стекол. Он же не закрыл окно, уходя.

Вскоре Он вышел к Волье, вновь пошёл вниз по течению и наконец-то вышел на косу, где стояла его казанка. Мысли путались в голове. Ему было беспокойно, хотелось умчаться прочь от реки, убежать из тайги. Он бросил шкуру на рыбу, оттолкнулся от берега, и казанка помчалась по реке. Ветер сдувал с лица мошку и угонял тяжёлые мысли. Деревья стремительно проносились по сторонам, ему стало легко. В нескольких километрах от его избушки Он встретил знакомых мужиков на двух лодках, рыбачивших на песчаной косе. Несмотря на позднее время, лагерь не разбили, поэтому все легко собрались и поехали к его избе, где дружно уселись за столом, выпиленным из фанеры, и принялись за перекус. Он предвкушал длинную ночь с весёлыми разговорами у костра и крепкими напитками.

Поначалу беседа не ладилась: перекидывались фразами о работе и начальстве, о поездках через Урал на Большую землю. Но после двух охапок подкинутых в костёр дров, разговоры стали горячее, фразы громче, смех сильнее.

Наконец, ему захотелось поделиться произошедшим. Рассказ был весёлым: Он добавил своим действиям смелости и не упомянул о страхе. Жар огня так разгорячил его, что Он, сам того не желая, сболтнул о маленькой избушке. Пришлось рассказать и о мыслях, посетивших его на хвойном бугре. Кто-то из мужиков отметил, что испытывал подобное после того, как однажды по пути на Волью заехал в заброшенную деревню местных. Кто-то вспомнил, как в юности заблудился на берегах Вольи, пытаясь отыскать рыбное озеро...

Неприятный разговор оборвал шум мотора выше по течению. Мужики насторожились, стали гадать, кто бы это мог быть.

Солнце давно спряталось за противоположный берег реки. Настало самое темное время северной июльской ночи, когда сумерки приходят лишь на мгновение.

Впрочем, долго ждать не пришлось. Из-за поворота на быстром ходу вырулила лодка, а в ней сидели пять здоровенных лбов. Молодёжь.

Так шумно на Волье не было, наверное, уже год. Затяжные разговоры то и дело переходили в брань, а затем взрывались бешеным смехом, который, казалось, мог свалить вековые деревья. Бессмысленная музыка играла так громко, что ее не перебил бы ни один водопад Приполярного Урала. Стекланные бутылки разлетались вдребезги, земля побелела от окурков, а горная Волья, укутанная едва заметным туманом, уносила чужой для тайги запах.

Голоса стихли, когда солнце выглянуло из-за еловых макушек. Он и его гости были словно врасплох застигнуты сном. Зашевелились к полудню, сели в лодки и уехали в посёлок, непременно цепляя моторами мель на «Сарадеях». Вот и вся рыбалка. Завтра на работу.

Ему, может быть, сорок семь, а, быть может, тридцать четыре. У него суровый томный взгляд или добрая улыбка. Он неугомонный от природы или медлительный с рождения. Он приехал с Большой земли недавно или так давно, что Север стал ему родным... Он покидал Волью довольным.

Лось в последний раз наблюдал за теплым солнцем, плавнодвигающимся вдоль горных хребтов. Он крепок и силен, но после роковой встречи жизнь его шла словно против небесного светила. Сильные ноги, без труда ломавшие наст одиннадцать вёсен, больше не могли его нести. На окраине болота *Няр яный янклма* появилось багровое пятно. Оно расплзлось на поседельный мох, белые цветки морошки, морщинистые её листья, уходило к широкому ветвистому корню, отражалось в небе красным закатом.

Всепрощающий взгляд провожал рыбаков от устья Волы. В роскошных одеждах, расшитых орнаментом и фарфоровым бисером, с длинными косами, звенящими, как ручеёк, стояла стройная высокая красавица. То была Святая хозяйка мансийской реки Волыя – *Воль-я Най Эква*. Она знает помыслы каждого, кто ступает на её землю, слышит каждое слово, прозвучавшее на её берегах. Робко взглянет хозяйка на запад: ведь под одним Небом живут, непременно и он все видел... Туда, где над скалистыми холмами, густо покрытыми тайгой, вздымается высокая гора, а за ней – горная страна. У подножья той горы пасется бесчисленное стадо белоснежных оленей, а ее вершина сияет вечными снегами. Это дом Святого покровителя Урала *Воль-я-Талях-Нёр-Ойки*.

Красавица удаляется и запекает песню. Песня её благозвучная, легкая, и... древняя. Хорошо слышна.